

DOI 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-257-273

УДК 314.37(470.6)

С. В. СиражудиноваДагестанский государственный университет
народного хозяйства

Махачкала, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6069-6076

E-mail: saida_kant@mail.ru

Репродуктивное поведение жителей Северного Кавказа (по материалам эмпирического исследования)

АННОТАЦИЯ. Одним из самых интересных регионов, где религия оказывает все более сильное влияние на жизнь людей, является Северный Кавказ. Рождаемость очень часто зависит от религиозных взглядов людей и особенностей локальной интерпретации религиозных норм. В статье мы рассмотрим влияние ислама на рождаемость и репродуктивное поведение населения, особенности репродуктивной стратегии, характерные для ислама в его местных вариантах. С этой целью были проанализированы религиозные источники и проведен экспертный опрос среди религиозных и общественных деятелей республик Северного Кавказа. Основываясь на результатах социологического исследования, проведенного среди населения наиболее исламизированных республик Северного Кавказа (Республики Дагестан и Республики Ингушетия), мы проанализировали, как население этих мест в зависимости от возраста, пола, религиозных взглядов и принадлежности к тому или иному течению внутри ислама понимает вопросы, касающиеся рождаемости. Исследование предполагает сочетание качественных (глубинные интервью и экспертный опрос) и количественных (стандартизированное анкетирование) методов. Общая выборка — 1575 респондентов. Качественное исследование было проведено с жителями региона (75 респондентов), из них 30 респондентов — эксперты. В рамках изучения мы рассмотрели несколько вопросов, касающихся репродуктивного поведения населения и позволяющих выявить репродуктивную стратегию. Исследование позволило выявить и показать динамику и специфику репродуктивного поведения жителей региона, провести компаративный анализ гендерных стратегий в республиках Северного Кавказа. В статье раскрыты вопросы репродуктивных ожиданий, зависимости рождаемости от религиозной принадлежности, места проживания и иных факторов. Также рассмотрены проблемы принуждения женщин к рождению детей, вопросы контрацепции, селективных аборт, приоритета влияния религии или традиций на репродуктивное поведение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религия, ислам, рождаемость, репродуктивное поведение, Северный Кавказ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сиражудинова С. В. Репродуктивное поведение жителей Северного Кавказа (по материалам эмпирического исследования). *Этнография*. 2024. 2 (24): 257–273. doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-257-273

S. Sirazhudinova

Dagestan State University of National Economy

Makhachkala, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6069-6076

E-mail: saida_kant@mail.ru

Reproductive Behavior Among the Peoples of the North Caucasus

ABSTRACT. One of the regions where religion has an increasingly strong influence on people's lives is the North Caucasus. Fertility often depends on people's religious views and local interpretations of religious norms. In the article, we examine the influence of Islam on fertility, the reproductive behavior of the population, Islam's reproductive strategy, and its local variations. The author analyzed religious sources and conducted an expert survey among religious and public figures of the North Caucasus republics. Based on the results of a sociological study conducted among the residents of the most Islamized republics of the North Caucasus — the Republic of Dagestan and the Republic of Ingushetia — the paper analyzes how the population of these places, depending on age, gender, religious views, and affiliation to a particular current within Islam, understands fertility issues. The study included qualitative (in-depth interviews and an expert survey) and quantitative methods (standardized questionnaire). The total sample was 1575 respondents. Qualitative research ($N = 75$) was conducted with residents of the region, of which 30 respondents were experts. The study identifies the reproductive strategies of the population, including the comparative analysis of gender strategies and their reproductive behavior in its dynamics and specificity. The study explores people's reproductive expectations, dependence of fertility on religious affiliation, place of residence, and other factors. It also considers the problems of forcing women to have children, contraception, selective abortion, and the priority of the influence of religion or tradition on reproductive behavior.

KEY WORDS: religion, Islam, fertility, reproductive behavior, the North Caucasus

FOR CITATION: Sirazhudinova S. Reproductive Behavior Among the Peoples of the North Caucasus. *Etnografia*. 2024. 2 (24): 257–273. (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-257-273

Репродуктивное поведение жителей Северного Кавказа в последние годы все чаще привлекает внимание исследователей, отмечающих современные трансформации в статистике рождаемости и ценностных ориентациях населения региона, связанные с ростом влияния ислама. Предметом исследования в статье является репродуктивное поведение жителей мусульманских республик Северного Кавказа. Прирост населения в регионе в последние годы прослеживается и в статистических данных, и в исследованиях ученых (Казенин, Козлов 2017: 47).

В регионе религия действительно играет важную роль в жизни людей. Ее считают важной более 92,5% населения Дагестана, из них 22,5% отмечают, что религия является первостепенной в их жизни (Сиражудинова 2017: 29). Несмотря на усиление религиозности для всего общества в целом, в одних районах, селах, общинах она занимает приоритетное место, в других ее роль не слишком велика (Казенин, Сороко 2021: 97).

Результаты исследований в Ингушетии показали, что религиозные ценности для жителей республики важны — для 81,2% опрошенных они доминируют над общечеловеческими. При этом в Ингушетии (как и в других субъектах региона) в последнее время происходит усиление религиозной составляющей. Так, если немногим более десяти лет назад (согласно исследованию 2010 г.) в обществе доминировали традиции (на первое место их поставили 49,4% опрошенных), а за ними следовала религия (около 30% опрошенных), то за последние десять лет значение религии для жителей республики стало намного выше — на первое место ее выносят 94% (по результатам исследования 2019 г.) (Сиражудинова 2011: 79).

Религия проникает во многие сферы, все больше регламентирует отдельные стороны жизни людей. В обществе все заметнее становится активное обращение к религии в разных ситуациях. Особенно сильное влияние ислам оказывает на частную сферу и гендерные стратегии, в том числе и на репродуктивное поведение (Сиражудинова 2021: 65).

Согласно анализу К. И. Казенина и В. А. Козлова, в регионе рост рождаемости отмечается лишь в последние годы, хотя начался он с 2007 г., до этого (с предшествующего 1990-м гг. десятилетия) происходило лишь повсеместное ее снижение (Казенин, Козлов 2017: 46–58).

Многие авторы на протяжении последних десятилетий ставят задачу — выяснить влияние религии на рождаемость. Религии и рождаемости посвящен целый пласт работ зарубежных исследователей, которые занимают разные и порой противоположные позиции. Большинство ученых говорят о значительном влиянии религии на рождаемость и приводят соответствующие доводы. Есть и иная позиция: исследователи показывают примеры того, что религия не играет существенной роли в репродуктивном поведении, которое складывается под влиянием целого ряда иных факторов.

Сторонники первой позиции, преимущественно западные ученые, пытаются обнаружить и обосновать наличие социокультурных связей между рождаемостью и религией. Многие авторы, проводя исследования в разных странах (как с мусульманским большинством, так и с мусульманским меньшинством), пытаются выявить связь репродуктивного поведения с исламом (Chaudhry 1996; Lehrer 1996: 173).

Особое внимание вопросу рождаемости среди мусульман, точнее фактору демографического взрыва и росту фундаментализма, в контексте концепции усиления межцивилизационного раскола уделял С. Хантингтон (Huntington 1996: 121).

После теракта 11 сентября 2001 г., совершенного в США террористической организацией «Аль-Каида»¹, внимание к репродуктивному поведению мусульман усилилось, и рост мусульманского населения стал восприниматься как социальная и политическая проблема, требующая внимания (Johnson-Hanks 2006: 12). В последние годы, например, все больше исследователей обращаются к анализу ситуации, сложившейся в Индии: индустры рост мусульманского населения рассматривают как угрозу, а многие ученые опровергают и подобные гипотезы, и распространенные в массах стереотипы (Bhat, Xavier 2005: 285). Доказательства того, что религия (в частности ислам) может оказывать влияние на рождаемость, но ее влияние не столь существенно либо отсутствует на практике, также представлены во многих исследованиях.

Ряд ученых заявляет, что вопреки стереотипам на практике в мусульманских странах происходит снижение рождаемости (Karim 2004: 773; Mazrui 1994: 121). Филип Фарг, изучая положение женщин в арабских странах в контексте изменений патриархальной системы, отмечает, что там в 2000 г. резко (за одно поколение) снизилась рождаемость (Fargues 2005: 43). Он приводит в качестве примера Иран и Алжир, где ислам не стал препятствием к снижению рождаемости. Более того, в Алжире падение рождаемости произошло в 1990-е гг. на фоне роста исламского фундаментализма. Между тем важными факторами, повлиявшими на снижение рождаемости, стали большая продолжительность обучения девочек, а также выход на рынок труда и увеличение возраста женщин при вступлении в первый брак. Пример Западной Африки показывает, что рождаемость среди мусульманской части населения здесь даже ниже, чем среди немусульманской (Johnson-Hanks 2006: 12).

Общий контекст, структуру, причины влияния религии на рождаемость изучал Кевин Маккуиллан, который отмечал, что сильная религиозная идентичность может отразиться на численности детей в семье. Он

---

¹ Признана в России террористической организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ.

также пришел к выводу, что нет никаких доказательств глобального феномена «мусульманской рождаемости» (McQuillan 2004: 25).

Российские исследователи рождаемости в мусульманских регионах отмечают, что влияние исламизации на нее скромнее, чем у представителей некоторых других религий, в частности оно меньше, чем влияние иудаизма израильских ортодоксов (Казенин, Сороко 2021: 97).

Интересует проблема рождаемости также и северокавказских ученых, работы которых выстраиваются преимущественно вокруг анализа и ретроспективного сравнения статистических данных (Абдулманапов 2022: 67; Гимбатов 2013: 225; Ибрагимов 2010: 21).

Несмотря на мифы, которыми овеяны представления о репродуктивном поведении мусульман, мусульманская религия в отдельных вариантах может быть одной из самых либеральных в вопросах планирования семьи.

Исламские источники допускают предотвращение беременности: в хадисах аль-Бухари приводится в пример прерванный половой акт (Sahih Al Bukhari 1: Chapter 68, Hadith 5207, 5208, 5209). Впрочем, в этом же сборнике есть хадис, в котором сказано, что если суждено зачать, то предохранение не поможет предотвратить предначертанное (Sahih Al Bukhari 1: Chapter 68, Hadith 5210).

В отдельных случаях (когда стоит вопрос о здоровье и жизни женщины, здоровье ребенка или угрозе рождения ребенка с физическими недостатками) допускаются и аборт, но исключительно до 120 дней, то есть, по исламским представлениям, до периода обретения зародышем души (Sahih al-Bukhari. Book 82, Hadith 1. Vol. 8, Book 77, Hadith 588, 593 (6594)).

Существуют источники, в которых говорится о желательности увеличения уммы (Абу Дауд 2050), а в Коране встречается предупреждение, что не стоит бояться тягот, связанных с уходом за детьми (Коран 6:151; 17:31), что обосновывает важность репродуктивных функций семьи, укрупнения и укрепления мусульманской общины в целом.

Для мусульман, которые живут в обществе, базирующемся на законах шариата, крайне важен наследник мужского пола (Morgan, Stash, Smith 2002: 515), которому отец может передать свое имущество и заботу о семье.

Помимо религиозного фактора, высокая рождаемость объясняется нуждами общины и социальной поддержкой, приводятся в пример израильские мусульмане, которых сегрегация вынудила сохранять высокую концентрацию населения и у которых подчиненная роль женщин и гендерная иерархия способствуют поддержанию высокой рождаемости (Derosas, Poppel 2006: 17).

К выводам о влиянии ислама (в первую очередь) и традиционализма семейного уклада (попутно) приходят в своем исследовании, основанном на изучении жизни в разных селах Дагестана, российские ученые,

ссылаясь на то, что в селах с важным значением ислама в жизни общества возраст материнства в среднем более низкий (Казенин, Козлов 2017).

В настоящей работе, основываясь на данных ученых, анализируя и учитывая имеющиеся результаты, автор предпринимает эмпирическое исследование для выявления социологического аспекта восприятия проблемы местным населением, делая акцент не на статистике, а на мнениях, восприятии и ожиданиях самих людей, проживающих в регионе. Анализ ориентирован не на изучение статистики, но на исследование мнения жителей – тех, на чьей жизни отражается локальная специфика².

Для исследования были выбраны республики Северного Кавказа, отличающиеся высоким уровнем влияния религии на частную жизнь людей и общество в целом. В рамках работы автор пытается выявить особенности влияния религии на репродуктивное поведение населения в регионе, где роль ислама особенно велика. Были выявлены базовые установки репродуктивного поведения населения, установлены факторы, с помощью которых можно показать специфику региона, определена реальная роль ислама. При этом в исследовании ставилась задача — определить общую картину, характерную для региона. Исследование позволило проверить гипотезу о влиянии ислама на репродуктивное поведение жителей региона.

Исследование представляет собой сочетание качественных (глубинные интервью и экспертный опрос) и количественных (стандартизированное анкетирование) методов. Общая выборка — 1575 респондентов, при этом 76% опрошенных — молодежь в возрасте 16–25 лет. Выявление репродуктивного поведения именно этой группы позволит оценить современную ситуацию в регионе и ближайшую перспективу. В числе респондентов — жители северокавказских республик разного возраста, проживающие как в городах, так и в сельской местности, из них 56% — женщины. Само исследование было проведено в 2021 г.

Выборка была построена с учетом разницы в численности населения Дагестана и Ингушетии: 85% респондентов были опрошены в Республике Дагестан, 15% — в Республике Ингушетия. Качественное исследование (75 опрошенных) было проведено с жителями региона, из них 30 респондентов — эксперты (общественные деятели, государственные служащие, активистки, врачи и имамы, то есть все те, кто в своей профессиональной деятельности сталкивается с вопросами, касающимися рождаемости, и может дать экспертную квалифицированную оценку ситуации либо объяснить особенности локальной специфики). Среди опрошенных в рамках качественного исследования 35 респондентов — жители сел и городов республик, которые согласились на глубинные интервью, необходимые

---

² Кеффер Л. Брачное средневековье // Коммерсантъ. 5 ноября 2021 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5062865> (дата обращения: 05.06.2024).

для уточнения вопросов, выявленных в ходе качественного исследования. Были опрошены 18 женщин (равные группы женщин в возрасте от 16 до 23 лет, от 24 до 35 лет и от 35 до 65 лет) и 17 мужчин (равные группы мужчин в возрасте от 16 до 23 лет, от 24 до 35 лет и пятеро мужчин в возрасте от 35 до 65 лет).

Мы рассмотрели несколько вопросов, касающихся репродуктивного поведения и позволяющих выявить репродуктивную стратегию: влияние религиозного фактора на рождаемость, желаемое количество детей в семье, вопросы контрацепции, отношение к абортам, принуждение женщин к рождению детей, селективные аборты, приоритет влияния религии или традиций на репродуктивное поведение.

О том, что религия в регионе оказывает влияние на репродуктивное поведение жителей, заявили почти все опрошенные эксперты. В то же время в вопросе рождаемости на Северном Кавказе не все так однозначно.

Репродуктивная стратегия жителей региона складывается из нескольких факторов, что и продемонстрировали нам результаты количественного исследования в регионе. Так, в качестве идеального количества детей в семье жители региона в возрасте 25–45 лет называли преимущественно трех-четырёх детей. При этом качественное исследование в сельской местности показало, что в большинстве случаев здесь хотят иметь как минимум тех же трех, а в среднем — пять детей в семье.

На количество детей в семье влияют общие представления, а также понимание взаимопомощи и дружбы (чтобы брату был брат, сестре — сестра). Многими дети рассматриваются как опора в будущем. Очень близко к данным результатам указанное количество запланированных детей (среди молодежи 16–25 лет). Так, большинство предпочтут иметь трех детей (41,3%). Двух детей хотели бы иметь 25,5%. Больше трех — 9,8%, ответ «без ограничений» выбрали 17,6%. Интересен результат, касающийся небольшого количества планируемых детей. Так, желание иметь только 1 ребенка высказал 1,8%, преимущественно женщины. Заявивших, что не планируют рожать, также только 1,3%, причем также преимущественно женщины. На вопрос о предпочтениях в отношении пола ребенка большинство ответили, что пол не имеет значения (45%), 11,7% ответили «кто угодно, лишь бы был здоров». Таким образом, больше половины 56,7% не придают значения полу ребенка. Но при этом большинство желают иметь разнополых детей (73,1%), многие считают, что мальчик «обязателен» для семьи (17%, преимущественно мужчины). Рождение девочки приоритетно для 10% респондентов. Часть респондентов отмечала, что «доверяет предопределению», «необходимы и мальчик, и девочка» и т. п.

Несмотря на позицию, согласно которой дети обоих полов в семье желанны, на уточняющий вопрос, необходим ли семье мальчик, 89%

ответили, что мальчик крайне важен для семьи, поскольку он наследник и опора всем («хотя бы один мальчик должен быть»).

По мнению респондентов, высокая рождаемость характерна в первую очередь для бедного населения (37,9%), религиозных людей (19,3%), распространена среди сельского населения (13%), людей без образования (3%), для Кавказа (7%), 2,6% считают, что закономерностей нет — у всех по-разному.

Исследуемый нами религиозный фактор оказался, в представлениях местных жителей, значимым, но не доминирующим. На прямой вопрос, зависит ли количество детей от религиозности, больше половины респондентов ответили отрицательно (56%). Утвердительно на этот вопрос ответили 21% респондентов, посчитали, что иногда зависит 11% опрошенных. Так же респонденты ссылались на «запрет аборт в религии», на то, что «умма должна увеличиваться», встречалась формулировка «каждый сам должен определять количество детей».

Вообще регион отличает то, что детей здесь в семьях много. Так, 31% респондентов считают, что многодетность — это специфика региона. Большое влияние на рождаемость, по мнению 28,9% респондентов, оказали меры государственной поддержки (материнский капитал, выплаты семьям с детьми и т. д.).

Многие респонденты отметили, что важную роль играют меры социальной поддержки (например, материнский капитал, выплаты на детей). Более 40% опрошенных указали, что члены их семей получают пенсии и пособия на детей и считают их важными для материального благополучия семьи. Встречались и такие ответы: «имея много детей, можно и не работать», «жить на выплаты», «в селе ощутим доход от 30 тысяч рублей, на них можно жить». Причем подобный аспект подчеркивали преимущественно мужчины. Многие делали акцент на обязанность женщины родить детей, при этом некоторые подчеркивали, что родить необходимо до 25 лет. Ввиду малого количества зарегистрированных браков, так как наиболее распространенным способом заключения брака является совершение религиозного обряда, число женщин, получающих выплаты для матерей-одиночек, в регионе высокое.

Отношение к абортам оказалось не столь однозначным. Так, 39,2% считают, что аборт может быть совершен «по разным причинам». Большинство респондентов возможность аборта связывают со здоровьем (37,2%). Они ссылались на такие причины, как физические недостатки плода, о которых известно уже в период беременности, здоровье матери. При этом отмечающих в качестве единственной причины для аборта «угрозу жизни матери» оказалось (13,7%), то есть они допускали для женщины возможность сделать аборт лишь в крайнем случае. Ответом, который звучал исключительно от женщин, была формулировка, что аборт — «решение самой женщины» (2,9%). Мужчины же выделяли

такие причины, как «незапланированная беременность», «прелюбодеяние» (3,7%). Немногочисленны были ответы «нежелание иметь ребенка», «нежелание создавать семью», «неготовность иметь детей».

В то же время большинство женщин отмечали, что даже в случае незапланированной беременности они предпочтут рожать, чем делать аборт (87% респондентов-женщин в Дагестане и 98% в Ингушетии), причем даже при наличии проблем со здоровьем (48% в Дагестане и 77% в Ингушетии).

В обществе превалирует негативное отношение к селективным абортам (86,2%). Нейтрально относятся к этому явлению лишь 13,9% респондентов, 0,7% считают этот выбор «личным делом».

Смысл брака для мужчин состоит преимущественно в продолжении рода (65,4%). Смысл брака и для мужчин, и для женщин также связан с созданием семьи, причем для мужчин данный мотив на втором месте (25%), для женщин — на первом (47%). Объединяет мужчин и женщин в ответе на вопрос о смысле брака указание на любовь. Причем и для мужчин, и для женщин результат был почти одинаков — около 15%. Здесь респонденты отмечали, что смысл брака — «провести жизнь с любимым человеком», «любить и быть любимой». О счастье говорили лишь женщины (4%): они считают, что смысл брака — «быть счастливой», «провести вместе счастливо всю жизнь». Для мужчин смысл брака также связан с укреплением отношений, наследством, необходимостью больше работать. Для женщин смысл брака связан с поддержкой, необходимостью передавать ислам, совместным развитием и с тем, чтобы стать домработницей для матери мужа и т. д.

В той части исследования, где использовался качественный метод, были проведены интервью с имамами и религиозными деятелями. Большинство интервьюируемых, как оказалось, допускают регулирование рождаемости, ссылаясь в первую очередь на «ухудшение здоровья женщин» и необходимость учитывать собственные возможности. Также мы говорили с респондентами о роли экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), к которому все чаще прибегают женщины в регионе. Более 97% респондентов ответили, что подобная практика допустима и направлена на благо, позволяя женщине стать матерью и сохранить семью. Остальные просто воздержались от ответа, побоявшись дать неверную оценку. Единственным условием для использования ЭКО, отмеченным респондентами, было рождение ребенка исключительно от мужа, причем в браке, совершенном по мусульманскому обычаю.

По результатам опроса экспертов и опроса немногочисленных респондентов-шиитов в Дагестане (в Махачкале и Дербенте) стало ясно, что среди шиитов распространена также довольно нейтральная позиция по отношению к ЭКО и новым репродуктивным технологиям. Вообще по результатам опроса шиитов (в данном случае — лезгин) можно сказать,

что желаемым количеством детей в семье считается трое (у азербайджанцев чаще встречалось двое). Вообще репродуктивные установки шиитов и суннитов различаются незначительно. В регионе прослеживается положительная динамика рождаемости и разрыв по линиям «социальный статус семьи» и «город — село», есть также общие национальные установки, особенности в отдельных районах и т. д.

Проблема, которую отметили почти все респонденты, была связана с высокими ожиданиями от женщины в вопросе рождения детей. Общим оказался контроль над молодой женой со стороны родственников, общества и даже соседей: «Женщине после брака дают лишь два-три года на рождение ребенка, если беременность не наступит, ее начинают укорять, осуждать, попрекать и обсуждать пути решения проблемы, которую, как правило, связывают именно с самой женщиной». «Ценность» женщины и ее статус в семье зачастую зависят от ее репродуктивных возможностей.

Наличие обсуждаемой в СМИ проблемы распространения селективных абортов респонденты не смогли подтвердить, но 32% опрошенных отметили, что слышали о принуждении мужчинами женщин к рождению детей посредством отказа от средств контрацепции или шантажа (угрожая разводом или тем, что возьмут себе еще жену).

В селах Дагестана заметно снижение возраста вступления в брак. Так, 16–17 лет в селе считаются оптимальным возрастом для женитьбы/замужества. По мнению респондентов, проживающих в селах, «нельзя девушку долго оставлять в семье родителей, это опасно, и общество будет осуждающе смотреть на нее, если она не засватана или не выдана замуж к 16 годам». Подобные ответы мы слышали и на равнине, и в горной местности, но в равнинных селах такие ответы звучали чаще. Вообще, по мнению большинства экспертов, число детей в семьях в регионе снизилось по сравнению с предыдущими поколениями, когда обычно у каждой семьи было 6–11 детей.

Рождаемость зависит от многих факторов: от района, этнической, конфессиональной принадлежности, социального положения семьи, установок, связанных с образованием и т. д. Основным мотивом к деторождению для тех, кому семья важна в традиционном смысле (данный фактор отметил 31%), является поддержание семейных традиций, рода (в Ингушетии), уважение к родителям и их выбору (в Дагестане). Эти ответы характерны для традиционалистов.

Следование традициям и внутривидовая зависимость в Дагестане привели к сохранению родственных браков (в семьях 82% опрошенных нами дагестанцев). Чаще всего вступают в браки с троюродными родственниками и более дальними, но и браки между двоюродными братьями и сестрами до сих пор не редкость. При этом 52% осознают вероятность негативных последствий для потомства таких союзов, а 45% категорически заявляют, что проблем со здоровьем детей не может быть. Те, кто,

осознавая угрозу для здоровья детей, идет на брак внутри семьи, отмечали, что «сделали выбор не столь близкого родственника, нежелательны только союзы между двоюродными», указывали, что не хотят, чтобы «ребенок вышел за представителя другого народа», встречались также формулировки «так легче, мы знаем семью», «за кого мы можем отдать, нам же надо выдать замуж и нежелательно затягивать с этим», «нам просто надо выдать дочь замуж, если она долго остается в родительском доме, общество уже нехорошо смотрит на нее» и т. д.

В Ингушетии до сих пор продолжают очень тщательно следить за происхождением потенциальных брачных партнеров, дабы избежать родственных пересечений.

Интересной для исследования рождаемости группой оказались молодые салафиты, которые отмечали «желательность увеличения уммы (мусульманской общины)» и стремление к многодетности «ради укрепления позиций соблюдающих мусульман в обществе».

Исследование, проведенное в наиболее исламизированных республиках Северного Кавказа, позволило сделать вывод о неоднозначной роли влияния религии на репродуктивное поведение жителей региона, выявить стереотипы, связанные с мусульманами в этом отношении.

Удалось обнаружить связь между рождаемостью и религией, но она оказалась не настолько прямой, как принято считать в отношении мусульманского общества. Исследование показало, что позиция ислама по ограничению рождаемости и новым репродуктивным технологиям более мягкая, по сравнению с другими конфессиями. Так, большинство экспертов (в том числе имамы) допускают регулирование рождаемости, контрацепцию, аборт до определенных сроков беременности (причем довольно больших).

В связи с тем, что в регионе распространены высокие репродуктивные ожидания от женщин, связанные с традиционными представлениями об их роли в семье, ЭКО пользуется высоким спросом. Укрепление (порой даже эфемерное) статуса женщины зачастую связано с желанием мужчины иметь сыновей. Подобное характерно для многих традиционных обществ, зарубежными учеными подчеркивается влияние желания рождения сына на «фактический половой состав детей и размер семьи» (Basu, De Jong 2010: 521).

Результаты анализируемых в работе исследований коррелируют с выводами К. И. Казенина, Е. А. Козлова, Е. С. Митрофановой (2020), изучавших демографическое поведение в Ингушетии и отметивших, что патриархальность требует рождения в семье мальчика и заставляет продолжать деторождение до того момента, пока «наследник» не появится на свет, что автоматически повышает рождаемость (Казенин, Козлов 2020: 340). В то же время тот факт, что представители некоторых религиозных течений внутри ислама отмечают важность увеличения уммы как свою

задачу как мусульманина, демонстрирует связь религии и рождаемости. Это новая тенденция, связанная с увеличением числа представителей салафитского направления.

Для значительной части общества репродуктивное поведение многокомпонентно и одновременно включает религиозные представления (зачастую мифологизированные и спутанные, что характерно для современных российских мусульман), этнические установки, традиционную репродуктивную стратегию. В то же время роль государственных пособий и поддержки детей играет важную, заметную и отмечаемую многими респондентами роль. Зафиксированный в регионе «подъем рождаемости начался с 2007 г. и связан с политикой государств» (Казенин, Козлов 2017: 46). Респонденты подчеркивали, что стараются узнать обо всех имеющихся возможностях получения социальной поддержки. При этом официальная регистрация брака практикуется не везде, так что количество матерей-одиночек достаточно высоко. Более того, многие респонденты, состоящие в официальном браке, признавались, что обдумывали пути для формального развода и поиска новых источников государственной поддержки.

Ислам играет определяющую роль в жизни верующих мусульман, диктуя нормы и ценности, регламентируя жизнь, оказывая влияние на гендерную систему общества (Сиражудинова 2021: 56). Региональная специфика здесь также достаточно интересна. В арабских мусульманских странах происходит снижение рождаемости из-за повышения уровня образования женщин, на Северном Кавказе — напротив, как показали исследования российских ученых, происходит омоложение материнства, при этом зависимость рождаемости от образования остается актуальной (Казенин, Козлов 2017: 46).

Исследование также показало, что установки на образование, как и взгляды на предпочтительный возраст для вступления девочек в брак (как правило, обсуждается и контролируется обществом преимущественно этот вопрос), отличаются в разных селах и районах (что характерно для Дагестана). В последние годы в особо рьяно заявляющей о своей приверженности религии среде отмечается нежелание давать девочкам образование, что ошибочно мотивируют приверженностью исламу и исламским воспитанием. Обязанностью же мусульманина, напротив, является образование и стремление к приумножению знания (Коран 20:114). Здесь мы можем наблюдать разногласия между заявлениями о том, «что мы живем по исламу», и действительностью: 87,6% опрошенных в рамках количественного исследования не читали ни одного религиозного источника с целью понять их смысл и получить новое знание.

Исследование показало, что реальная роль ислама и его влияние на репродуктивные установки в вопросах снижения брачного возраста, омоложения материнства, ориентированности на брак как основной задаче женщин и сведения ее роли в семье к репродуктивным функциям,

достаточно велики. Более того, в настоящее время мы наблюдаем не ослабление, а усиление религиозного фактора в жизни общества.

Были выявлены базовые установки репродуктивного поведения населения, и связанные с религиозным фактором и установкой на многодетность. Эти установки были общими для подавляющего большинства респондентов.

Основные факторы, отражающие специфику региона:

1. Религиозный исламский фактор, усиление влияния религии на жизнь людей и общества.
2. Особенности традиций и представлений о семье и браке, которые различны в изучаемых республиках. Так, в полиэтничном Дагестане сохраняется стремление создать брак не только внутри своей этнической группы, но зачастую и внутри *тухума* (круга людей, объединенных родственными связями разной дальности). Отметим, что в беседе с нами уполномоченная по правам семьи и детей подчеркивала актуальность решения вопроса родственных браков и их негативное влияние на здоровье детей. В данном случае исследование показало, что забота о здоровье будущих детей менее важна для общества, чем желание браков по выбору родителей и внутри семьи. В настоящий момент, несмотря на многочисленные примеры, общество не осознает опасностей родственных браков. В Ингушетии родственные браки исключены, при этом один из экспертов, известный и уважаемый в республике писатель, отмечал, что для ингушей уже пришла пора «разбавить кровь» и допустить браки с соседними народами.
3. Нацеленность на многодетность. В целом она характерна для многих, несмотря на то что количество желаемых детей для большинства — трое. При этом данная цифра указывалась жителями исследуемых регионов вне зависимости от места жительства (город/село). Единственная группа, которая выделялась в этом отношении, — салафиты, заявляющие о важности детей для мусульманской общины.
4. Гендерные факторы (желание иметь сына, стремление быстрее выдать дочерей замуж, ограничения для женщин в образовании, абсолютизация репродуктивных функций, разные способы принуждения к деторождению вообще или рождению сына).
5. Сравнительно небольшое количество аборт. В Ингушетии оно еще ниже, чем в Дагестане.

Дагестан — это многонациональная и поликонфессиональная республика. Результаты исследования показали, что рождаемость здесь зависит от этнической принадлежности и района происхождения. Так, среди аварцев (89%) и кумыков (77%) распространена установка на

многодетность. Они заявили о желании иметь троих и более детей. Среди лезгин и особенно лакцев такая установка распространена гораздо меньше (они чаще заявляли о желании иметь одного-двух детей и больше говорили о необходимости дать детям хорошее образование). Здесь прослеживается зависимость от социального положения семьи. Представители зависимых от социальных выплат категорий отмечали, что рождение еще одного ребенка их «не пугает», но они считают, что их задача — вырастить детей и способствовать им в создании новой семьи.

В последние годы усиливается разделение по религиозному направлению. При этом данное разделение почти незаметно между суннитами и шиитами, ориентированными на народные традиции. Исследование показывает некую общность между собой и отличие от других направлений у салафитских групп, ориентированных на многодетность, допускающих открытое многоженство и, за исключением их религиозных лидеров и интеллектуальной элиты, вводящих значительные ограничения для девочек в вопросе образования.

Северный Кавказ отличают от других регионов России, помимо прочего, более высокая рождаемость и специфические установки жителей, связанные с репродуктивным поведением.

При этом наше исследование показало общность между отдельными группами и районами региона в снижении уровня рождаемости по сравнению с тем, который наблюдался ранее, у предыдущих поколений. В то же время выявлены высокие репродуктивные ожидания молодых людей, ориентированных на рождение 3–5 детей, сильная зависимость от материального государственного стимулирования, базирование «социального воспроизводства на неравенстве» (Glover 2021: 34) между полами и т. д.

Мы можем говорить о композитной многосоставности факторов, влияющих на репродуктивное поведение, но невозможно не отметить роль ислама и его локальных вариантов в репродуктивном поведении и жизни местного населения — она не абсолютна, но значима; в представлениях, идеях и ценностных установках, регламентирующих различные вопросы жизни и уклада, влияние ислама в регионе сильно и постоянно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулманов П. Г. Социально-демографические аспекты самосохранительного поведения женщин Республики Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 9 (143). С. 65–71.

Казенин К. И., Козлов В. А. Возраст материнства в Дагестане: значимость этнического фактора в условиях модернизации // Народонаселение. 2017. № 1. С. 46–58.

Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С. Как изменения гендерных и межпоколенческих отношений влияют на демографическое поведение? Случай Ингушетии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 342–365.

Казенин К. И., Сороко Е. Л. Демографическая модернизация и возраст вступления в первый брак у народов Северного Кавказа // Демографическое обозрение. 2021. № 2. С. 95–127.

Сиражудинова С. В. Оценка гражданского общества глазами жителей Северного Кавказа // Социология власти. 2011. № 1. С. 74–83.

Сиражудинова С. В. К проблеме радикализации молодежи в Республике Дагестан // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 20. Серия «Политология. Религиоведение». С. 26–33.

Сиражудинова С. В. Гендерная система мусульманского общества: на примере республик Северного Кавказа // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 56–67. DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.5

Basu D., De Jong R. Son Preference and Gender Inequality // Demography. 2010. No. 47. P. 521–536.

Chaudhry M. S. Family Planning in Islam. Lahore: Impact Publications International, 1996. 154 p.

Derosas R., Poppel F. (eds). Religion and the Decline of Fertility in the Western World. Dordrecht: Springer, 2006. 330 p.

Fargues P. Women in Arab Countries: Challenging the Patriarchal System? // Reproductive Health Matters. 2005. No. 13 (25). P. 43–48.

Glover L. Social Reproduction Theory: On regulating reproduction, understanding oppression and as a lens on forced sterilisation // Journal of International Women's Studies. 2021. No. 22 (2). P. 34–48.

Huntington S. The Clash of Civilizations: Remaking of World Order. New York: Touchstone Press, 1996. 367 p.

Johnson-Hanks J. On the Politics and Practice of Muslim Fertility. Comparative Evidence from West Africa // Medical Anthropology Quarterly. 2006. Vol. 20. No. 1. P. 12–30.

Karim M. Socio-economic Development, Population Policies, and Fertility Decline in Muslim Countries // The Pakistan Development Review. 2004. No. 43 (4). P. 773–789.

Lehrer E. Religion as a Determinant of Marital Fertility // Journal of Population Economics. 1996. No. 9. P. 173–196.

Mari Bhat P. N., Francis Xavier A. J. Role of Religion in Fertility Decline: The Case of Indian Muslims // Economic and Political Weekly. 2005. Vol. 40. No. 5. P. 385–402.

Mazrui A. Islamic Doctrine and the Politics of Induced Fertility Change: an African Perspective // Population Development Review. 1994. Vol. 20. P. 121–132.

McQuillan K. When Does Religion Influence Fertility? // Population and Development Review. 2004. No. 30 (1). P. 25–56.

Morgan S. P., Stash S., Smith H., Mason O. Muslim and NonMuslim Differences in Female Autonomy and Fertility: Evidence from Four Asian Countries // Population and Development Review. 2002. No. 28 (3). P. 515–537.

REFERENCES

- Abdulmanapov P. G. [Socio-demographic aspects of women's self-preservation behavior in the Republic of Dagestan]. *Regionalnie problem ekonomicheskikh transformaziy* [Regional problems of transforming the economy], 2022, no. 9 (143), pp. 65–71. (In Russian).
- Basu D., De Jong R. Son Preference and Gender Inequality. *Demography*, 2010, no. 47, pp. 521–536. (In English).
- Chaudhry M. S. *Family Planning in Islam*. Lahore: Impact Publications International, 1996. (In English).
- Derosas R., Poppel F. (eds). Religion and the Decline of Fertility in the Western World. Dordrecht: Springer, 2006.
- Fargues P. Women in Arab Countries: Challenging the Patriarchal System? *Reproductive Health Matters*, 2005, no. 13 (25), pp. 43–48. (In English).
- Glover L. Social Reproduction Theory: On regulating reproduction, understanding oppression and as a lens on forced sterilisation. *Journal of International Women's Studies*, 2021, no. 22 (2), pp. 34–48. (In English).
- Huntington S. *The Clash of Civilizations: Remaking of World Order*. New York: Touchstone Press, 1996. (In English).
- Johnson-Hanks J. On the Politics and Practice of Muslim Fertility. Comparative Evidence from West Africa. *Medical Anthropology Quarterly*, 2006, vol. 20, no. 1, pp. 12–30. (In English).
- Karim M. Socio-economic Development, Population Policies, and Fertility Decline in Muslim Countries". *The Pakistan Development Review*, 2004, no. 43 (4), pp. 773–789. (In English).
- Kazenin K. I., Kozlov V. A. [The age of motherhood in Dagestan: the significance of the ethnic factor in the conditions of modernization]. *Narodonaselenie* [Population], 2017, no. 1, pp. 46–58. (In Russian).
- Kazenin K. I., Kozlov V. A., Mitrofanova E. S. [How do changes in gender and intergenerational relations affect demographic behavior? The case of Ingushetia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2020, no. 4, pp. 342–365. (In Russian).
- Kazenin K. I., Soroko E. L. [Demographic modernization and the age of first marriage among the peoples of the North Caucasus]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2021, no. 2, pp. 95–127. (In Russian).
- Lehrer E. Religion as a Determinant of Marital Fertility. *Journal of Population Economics*, 1996, no. 9, pp. 173–196. (In English).
- Mari Bhat P. N., Francis Xavier A. J. Role of Religion in Fertility Decline: The Case of Indian Muslims. *Economic and Political Weekly*, 2005, vol. 40, no. 5, pp. 385–402. (In English).
- Mazrui A. Islamic Doctrine and the Politics of Induced Fertility Change: an African Perspective. *Population Development Review*, 1994, vol. 20, pp. 121–132. (In English).
- McQuillan K. When Does Religion Influence Fertility? *Population and Development Review*, 2004, no. 30 (1), pp. 25–56. (In English).
- Morgan S. P., Stash S., Smith H., Mason O. Muslim and NonMuslim Differences in Female Autonomy and Fertility: Evidence from Four Asian Countries. *Population and Development Review*, 2002, no. 28 (3), pp. 515–537. (In English).

Sirazhudinova S. V. [Gender strategy in Muslim society: the case of the North Caucasian republics]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2021, no. 1, pp. 56–67. (In Russian).

Sirazhudinova S. V. [Radicalization of youth in the Republic of Dagestan]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "politologiya. Religiovedenie"* [The bulletin of Irkutsk state university. Series "political science and religion studies"], 2017, vol. 20, pp. 26–33. (In Russian).

Sirazhudinova S. V. [Value of civil society in North Caucasian people's opinion]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2011, no. 1, pp. 74–83. (In Russian).

Submitted: 14.08.2023

Accepted: 15.12.2023

Article published: 01.07.2024